

3 Смалянчук А. Ф. Беларускі рух пачатку ХХ ст. і ідэя палітычнай нацыі [электронны рэсурс]. Рэжым доступу <http://krytyka.by/by/page/science/historya-navuka/11474>. – Дата доступу: 18.02.2018.

4 Маніхвэст часовага работніча-сялянскага савецкага правіццальства Беларусі // Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. Паказ. Твор.– С.118-119

5 Сміт Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. Мінск, 1995.– С.13.

6 Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии // Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. . Паказ. твор. – С.124–127.

7 Постановление о границах Белоруссии // Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. . Паказ. твор. – С.113 -114.

УДК 94:327(430+476) «1917»

А. М. БАБКОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС В ЛИТОВСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1917 ГОДА

В статье характеризуется роль белорусских земель в германской политической концепции «окраинных государств» и планах военного командования по установлению «второй приграничной полосы». Главное внимание уделено анализу белорусского вопроса в литовской политике Германии в контексте ее российской и польской политики. Автор приходит к выводу, что в начале 1917 г. в германской политике был отдан приоритет поддержке литовских планов создания государства с включением в его состав северно-западных белорусских земель.

На рубеже 1916-1917 гг. начался новый этап в германской восточной политике. Февральская революция в России, провозгласившая право народов на самоопределение, активизировала национально-освободительное движение народов, проживавших на территории бывшей Российской империи. Политические деятели многочисленных народов, в т. ч. и белорусы выдвинули требование Временному правительству предоставить им автономию в составе

демократической федеративной Российской республики. Национально-освободительные лозунги заставили германские власти скрывать свои захватнические устремления под маской самоопределения народов оккупированных ими территорий, которые они намеревались удержать под своим контролем. В изменившихся геополитических условиях руководство Германии во главе с канцлером Т. Бетман-Гольвегом перешло в своей восточной политике от прямой аннексии к более гибким планам «автономизации» народов, населявших западные области Российской империи. Какой смысл вкладывали оккупационные власти в политику «автономизации» литовско-белорусских и других земель, становится ясно из высказывания 31 мая 1917 г. начальника штаба Восточного фронта генерала М. Гофмана: «Была бы возможна формула, согласно которой Германия отказывается от аннексий, однако Россия, признавая принципы свободы малых наций уже теперь в занятых нами землях, отпускала бы их из своего состава, чтобы Германия определила их будущее политическое устройство» [1, с. 282]. Осуществление этих замыслов ставило будущее народов в полную зависимость от Германии.

В начале 1917 г. в политике сторонников умеренных аннексий, придерживавшихся концепции «Срединной Европы», на первый план вышла идея создания «окраинных государств», которые рассматривались в роли буфера, отделяющего Германию от России. С помощью отпадения «окраинных государств» военно-политические круги Германии надеялись «разложить» Россию.

Вице-канцлер в правительстве Т. Бетман-Гольвега К. Гельферих рассматривал план создания «окраинных государств» как часть более широкой и важной для Германии проблемы: «формирования курса Германии в отношении распада России, к силам и течениям, которые возникли в хаосе российского распада, новым образованиям, которые формировались на руинах бывшего российского государства». Он предостерегал правительство об «опасности для германского рейха... неограниченного признания права народов на самоопределение» и рассматривал его применение как «сильнейший взрывоопасный материал»: «Мысль о том, что использованный один раз без ограничений признанный принцип удастся позже ограничить на контролируемых нами и нашими союзниками российских территориях, была просто наивной... прежде всего в связи со стремлением к независимости поляков, чехов, словенцев» [2, с. 193]. Как впоследствии отметил вице-канцлер, «немецкая политика в своей практике признала только с большими оговорками право на

самоопределение народностей на оккупированной российской территории» и «содействовала установлению нового порядка только на пространстве, находившемся у ее порога» [3, с. 192].

Осмысливая германскую политику «окраинных государств», К. Гельферих пришел к выводу, что ее «можно считать правильной или ошибочной. Но она была вызвана необходимостью «формирования будущего российского окраинного пространства, которое заняли немецкие войска во время войны», а первым шагом в ее осуществлении явилось провозглашение Королевства Польского. После Февральской революции и вызванного ею развала России «задуманное еще до этого участие Германии в формировании окраинных государств становилось неизбежной необходимостью» [4, с. 193].

Впоследствии Министерство иностранных дел Германии дало следующую оценку этой политики: «Политика окраинных государств, которая проводилась нами во время побед, исходила из того, что в связи с быстрым экономическим и военным усилением России в интересах нашей безопасности и экономических перспектив нужно было освободить угнетенные ею в последние столетия народы и образовать из многочисленных и дружелюбных нам окраинных государств между Балтийским и Черным морями стратегический и экономический плацдарм» [5, с. 279].

Важным ориентиром в германской политике в отношении западно-белорусских земель явился план установления «второй приграничной полосы», расположенной в треугольнике Гродно-Ломжа-Брест-Литовск. В германских аннексионистских кругах замысел отторжения литовско-белорусских территорий возник еще в начале войны. По поручению правительства тайный советник М. Зеринг совершил поездку по только что завоеванным литовско-белорусским землям. В своем отчете он высказался «за аннексию не только Сувалок и Ковно, но и Вильно» [6, с. 282]. Другой сторонник германской аннексии на востоке доверенное лицо Обер Оста, ротмистр литовского происхождения, В. Степутат выполнявший секретные поручения МИД Германии выступил с «идеей колонизации немцами Ятвгии – Белоруссии в качестве онемеченной прусской провинции» [7, с. 38–39]. Средство достижения поставленной цели он видел в «усилении противоречий между поляками и литовцами» на оккупированной территории. Весной 1916 г. министр внутренних дел Пруссии фон Лёбель в дискуссии с главнокомандующим Восточным фронтом П. Гинденбургом по вопросу об «отделении западных славян от восточных» потребовал «не присоединять к будущей Польше Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии, если только удастся

оторвать их от России и составить из них «прибалтийско-литовскую область», которая находилась бы под контролем Германии [8, с. 287].

По мере перемещения прусско-германской границы на северо-восток и возрастания роли литовского вопроса в военно-политических кругах кайзеровской империи возник план в дополнение к польской «полосе обеспечения» создать «вторую приграничную полосу». В декабре 1916 г. Верховное главнокомандование открыто потребовало установления «второй приграничной полосы до Брест-Литовска, который должен стать «прусским провинциальным городом» [8, с. 287]. 31 марта 1917 г. в Берлине на совещании представителей заинтересованных учреждений Германии и Пруссии был окончательно принят проект установления «второй приграничной полосы», которая должна была пройти на востоке по линии Ломжа-Гродно и далее на юго-восток через Беловежскую пушу до Брест-Литовска» [9, с. 286].

План создания «второй приграничной полосы» прикрывался военно-стратегической необходимостью защиты Восточной Пруссии от угрозы со стороны России. На самом же деле преследовалась аннексионная цель расширения Пруссии за счет литовских и западно-белорусских земель, которые в дальнейшем планировалось заселить немецкими колонистами и ветеранами войны. Решение установить вторую «полосу безопасности» имело также целью проложить прямой путь из Германии через юго-западные белорусские земли в Украину, часть которых входила в состав округа «Белосток-Гродно». Особый статус был придан Брест-Литовску. Он не входил в состав Обер Оста и находился под управлением военного командования. С августа 1916 г. и до конца войны в Брест-Литовске размещался штаб главнокомандующего Восточным фронтом генерал-фельдмаршала Леопольда Баварского. В городе было образовано отдельное немецкое управление, которое в июле 1917 г. было преобразовано в имперскую комендатуру. Беловежская пуша с ее огромными лесными ресурсами была выделена в «Военное лесное управление Беловежа» [10, с. 6, 8]. Издававшаяся на оккупированной территории белорусская газета «Гоман» разглядела в переносе управления Обер Оста в Белосток «хороший знак» для развития белорусского национального движения. Она писала: «нигде общественная жизнь не кипит так энергично, как в центре управления». Газета расценила приближение «столицы» Обер Оста к белорусским землям как фактор, который приведет к усилению позиций белорусов в противостоянии с польскими притязаниями на Белостотчину, «как намек на то, что немецкие власти не собираются передавать эту территорию полякам», и она

станет «своего рода «фортом», который защитит наши этнографические границы от аппетитов соседей» [11].

Выступление весной 1917 г. Литовского национального совета в Петрограде с требованием предоставления автономии Литве в составе федеративной Российской республики вызвало опасения в военно-политических кругах Германии. Чтобы сохранить Литву под своим контролем, они активизировали обсуждение литовского вопроса с литовскими национальными деятелями, находившимися на оккупированной территории и за рубежом. Немецкие власти всячески затрудняли на оккупированной территории «нарастание великопольского движения», выступавшего за присоединение Литвы к Польше. При этом Э. Людендорф потребовал от военно-административного управления Обер Оста «не занимать положения открытого противопоставления» польской политике» [12, с. 472]. Военное командование обратилось к правительству с предложением провести совещание по выработке «дальнейшей политики по национальному вопросу в восточной зоне оккупации», т. к. прежняя политика «равного отношения ко всем национальностям оказалась уже недостаточной» [13, с. 470]. Э. Людендорф высказался за то, чтобы «германское господство в восточной зоне оккупации... опиралось на литовцев и белорусов», которые рассматривались как противовес польскому влиянию. Но так как литовцы не имели численного превосходства на оккупированной территории над поляками, их необходимо было усилить за счет белорусов. По его мнению, «надлежало употребить все средства... для приобретения литовских симпатий» и сближения литовцев с белорусами северных районов. В южной части территории, «считаясь с поляками, от этого надо было отказаться» [14, с. 470].

Когда в начале 1917 г. стал обозначаться литовский вектор в германской политике, более определенные очертания приняли действия оккупационных властей по реорганизации округов, направленные на усиление Литвы за счет присоединения к ней земель Сувалкской и Гродненской губерний и ослабления таким образом поляков. Сразу после немецкой оккупации Сувалкская губерния была разделена между округами «Сувалки» и «Вильно», которые в мае 1916 г. слились в «Военное управление Вильно-Сувалки» с центром в Вильно [15, с. 31].

С замыслом создания литовского государства под контролем Германии было связано присоединение 15 марта 1917 г. округа «Вильно-Сувалки» к округу «Литва» под общим названием «Военное управление Литва». Эти земли рассматривались в роли буфера между Королевством Польским и будущей Литвой. Являясь неразрывной

частью бассейна р. Неман, соединенного системой каналов с бассейном рр. Днепр и Висла эти земли приобретали важное экономическое значение в будущем.

Командование германским Восточным фронтом предвидело негативную реакцию поляков на этот шаг немецкой администрации. Начальник штаба Восточного фронта генерал М. Гофман 11 февраля 1917 г. записал в своем дневнике: «в ближайшие недели мы объединяем управление Литвы и Вильно-Сувалки в одно Велико-Литовское с центром в Вильно... Поляки усмотрят в этом удар против них, т. к. мы ясно даем понять им, что Сувалкскую губернию, которую Наполеон когда-то обещал присоединить к Польше, хотим отдать не Польше, но удержать для себя» [16, с. 225]. Спустя две недели М. Гофман высказался за необходимость принятия решительных мер по противодействию польской пропаганде на оккупированной территории, т. к. «ясно, что поляки теперь разовьют большую пропаганду за то, чтобы Литва и Курляндия были бы присоединены к Польскому королевству», и потребовал «заткнуть полякам глотку» [17, с. 226].

Опираясь на поддержку политических кругов Германии, литовские национальные деятели отказались от концепции возрождения исторической государственности совместно с белорусами в форме бывшего Великого княжества Литовского и выступили за создание национального государства. В начале 1917 г. литовские политики разработали план создания Литвы, причем с включением в ее состав оккупированной немцами Виленщины и Гродненщины с преимущественно католическим населением [18, с. 11]. Для обоснования своих территориальных притязаний на западно-белорусские земли литовские политики заявляли о тождественности литовцев и католиков-белорусов. Основным критерием определения национальной принадлежности они считали вероисповедание, при этом игнорировались языковой и другие признаки этнической идентичности. Литовцы относили местных жителей Гродненщины католического вероисповедания, пользовавшихся белорусским языком, к белорусизированным литовцам. Активизация этой концепции связана с наметившимся в военно-политических кругах Германии разграничением литовского и белорусского вопросов. С началом Первой мировой войны и массовым бегством православных белорусов из Западной Беларуси во внутренние губернии Российской империи среди оставшегося населения возросла численность белорусов-католиков. Однако белорусским национальным деятелям не удалось убедить в этом немецкие

оккупационные власти. А. Сметона, впоследствии возглавивший Литовский национальный совет следующим образом сформулировал литовскую позицию по вопросу установления границ с Беларусью: «Мы, литовцы, отказываемся от исторической Литвы и требуем вместе с тем только территорию, которую заселяют литовцы. Мы руководствуемся этнографическим принципом, который нельзя смешивать с языковым» [19, с. 50].

Таким образом, в изменившихся в начале 1917 г. геополитических условиях и активизации литовского и белорусского национального движения в германской восточной политике возросло значение белорусского фактора. Однако он не стал самостоятельным направлением в германской политике. В политических и военных кругах Германии белорусский вопрос рассматривался в тесной связи с литовской и польской политикой. С усилением роли литовской политики в начале 1917 г. германские власти поддержали план создания Литовского национального государства с включением в его состав северо-западных белорусских земель с преимущественно католическим населением. Белорусский вопрос активизировался при разработке Германией условий сепаратных переговоров с Россией, которая рассматривала Беларусь как часть Российского государства.

Список использованных источников и литературы

1 Гофман, М. Записки и дневники, 1914–1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – 264 с.

2 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

3 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

4 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

5 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 сенжня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

6 Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.

7 Бабков, А. М. По пути крестоносцев. Агрессивная политика германского империализма по отношению к Белоруссии в годы Первой мировой войны / А. М. Бабков; Гомельский гос. университет. – Гомель, 1987. – 210 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 25.09.87, № 31296 // Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография. – 1988. – № 2. – С. 36.

8 Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.

9 Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.

10 Бабков, А. М. Установление германского оккупационного режима в Западной Беларуси во время Первой мировой войны / А. М. Бабков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2014. – № 1. – С. 5–11.

11 Нoman, 1917, 2 lutaha.

12 Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.

13 Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.

14 Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.

15 Волкава, В. В. Адміністрацыя-тэрытарыяльны падзел нямецкай акупацыйнай зоны Обер-Ост (1915–1918) / В. В. Волкава // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012. – Вып. 7. – С. 28–34.

16 Гофман, М. Записки и дневники, 1914–1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – 264 с.

17 Гофман, М. Записки и дневники, 1914–1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – 264 с.

18 Бабков, А. М. Беларусь в литовской политике Германии в 1916 году / А. М. Бабков // Первая мировая война : события и люди:

сборник научных статей, ред. кол. : С. А. Черепко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 5–13.

19 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.

УДК 94(476) «1918/1920» : 352.075. 1

С. А. ЕЛИЗАРОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»)

СИСТЕМА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (ОСЕНЬ 1918 – 1921 ГОДЫ)

В статье дана характеристика процессов формирования органов советской местной власти и управления на белорусской территории в военных условиях ССРБ и ЛитБел ССР. Отмечается, что в этот период большевики проявили тактическую гибкость в выборах форм организации местных органов власти и управления, в зависимости от положения на фронтах быстро переходя от гражданских Советов (при использовании выборного механизма в его большевистской трактовке) к чрезвычайным военным органам (ревкомам) и обратно.

Пришедшие к власти большевики попытались сразу на практике реализовывать один из основных своих политико-идеологических постулатов о государстве трудящегося народа. Теоретически модель нового государственного устройства была определена ими заранее. Основой политической системы нового общества безальтернативно для большевиков являлись Советы как классовые организации трудового народа. Следовало оформить ее в конкретные формы, учитывая меняющуюся историческую ситуацию, степень поддержки новой власти населением и способность членов большевистской партии выполнять функции управления на местах.

Оккупация к марту 1918 г. немецкими войсками практически всех белорусских территорий прекратило здесь процесс формирования системы местных органов советской власти. Он